

Чалмаев В.А.

В чем оправдание «грешной» Аксины?

На протяжении всего романа Аксиныя живет мучительной, неприкаянной жизнью «двоемужницы». Она теряет один дом, мужа Степана. Теряет Григория после измены с Листницким. Ее нередко упрекает даже Ильинична, не позволяя делать подарки детям Григория. И все же к концу повествования выясняется, что именно она — наиболее близкий человек Григорию, его вечная опора.

Ее оправдание и величие — в постоянном прощении Григория, в возвратах его к ней, в поисках своей опоры только в ней. Никто из близких, кроме нее, не способен понять его скорбные жалобы: «Какая уж там совесть, когда вся жизнь похитнулась... Людей убиваешь... Неизвестно для чего всю эту кашу»... И никто, пожалуй, не будет так покорно — и это при всей мутной волне сплетен, окружающих Аксиныю, при ее гордости — уходить вместе с Григорием хоть на край света. Все ласковые слова Григория, и в особенности та фраза, в которой так волшебным образом *нарушен* порядок слов, — «Здравствуй, Аксиныя, дорогая!» — это слова благодарной, неумирающей любви.

Аксиныя не могла быть мельче Натальи, Ильиничны — это снизило бы и сам образ Григория.

В его любви к ней — не только оправдание героини с ее порочной красотой, необычайной силой чувства, передаваемой с помощью традиционных уподоблений их «жару», «огню», но и смысл всех скитаний.

«Он хотел обнять Аксиныю, но она тяжело опустилась перед ним на колени, обняла его ноги и, прижимаясь лицом к мокрой шинели, вся затряслась от сдерживаемых рыданий», — пишет Шолохов о последнем приезде Григория в дом Аксины. Героиня словно обременена тяжестью своего же чувства. Если в первом томе главной метафорой этой истории являлось «цветение растений, символ любви в народной поэзии», то в финале мы видим трагический расцвет этого чувства. И песня, которую слышит Аксиныя, это ее же вывод:

Тега-тега, гуси серые, домой,
Не пора ли вам наплаваться?
Не пора ли вам наплаваться,
Мне, бабеночке, наплакаться.

Она наплакалась в канун своей гибели. В ночном переходе, когда героиня уезжает с Григорием из дома, из хутора, мрачные предчувствия гибели выражены голосами природы: «...надсаживались лягушки, и где-то далеко и глухо стонала выпь...» Григорий хоронит Аксиныю с горестным чувством: их разлука будет короткой...